УДК: 343. 348

Тертышникова Екатерина Максимовна – адъюнкт Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Хабаровск). *E-mail: filina.em@inbox.ru*

Е.М. Тертышникова
E.M. Tertishnikova

Особенности развития норм о надругательстве над телами умерших и местами их захоронения в отечественном законодательстве XI – XVI вв.

Статья посвящена анализу норм, предусматривающих ответственность за совершение надругательств над телами умерших и местами их захоронения в российском уголовном праве. В ходе исследования автором были выявлены уникальные черты, присущие светскому и церковному законодательству периода XI – XVI вв. в части регламентации ответственности за совершение деяний, связанных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения. Автор приходит к выводу, что на первом этапе исторического развития указанная норма не получила распространения в рамках светского законодательства, однако, была предусмотрена церковным правом. Обращается внимание на то, что именно нормы церковного права оказали большое влияние на начальном этапе на развитие отечественного законодательства относительно преступлений, связанных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения.

Features of development of the norms about the outrage upon bodies of the dead and places of their burial in the domestic legislation of the XI – XVI centuries

The article is devoted to the analysis of the norms providing responsibility for commission of the outrage upon bodies of the dead and places of their burial in the Russian criminal law. During the author's research the unique lines inherent in the secular and church legislation of the period of the XI-XVI centuries regarding the regulation of responsibility for commission of the acts, connected with the violation of bodies of the dead and places of their burial were revealed. The author comes to a conclusion that at the first stage of historical development the specified norm didn't gain distribution within the secular legislation, however, was provided by an ecclesiastical law. The attention to that the norms of an ecclesiastical law had a great impact at the initial stage on the development of domestic legislation concerning the crimes connected with the violation of bodies of the dead and places of their burial is paid.

Ключевые слова: *надругательство над телами умерших, святотатство, церковная кража, церковное имущество, поминовение мертвых.*

Keywords: *outrage (violation) upon bodies of the dead, sacrilege, church theft, church property, commemoration of the dead.*

Развитие норм, предусматривающих ответственность за совершение надругательств над телами умерших и местами их захоронения, в российском уголовном праве имеет ряд уникальных черт, изучение которых, на наш взгляд, представляет научный интерес. Так, в отечественной литературе неоднократно были исследованы источники права, предусматривающие ответственность за надругательство над умершими и местами захоронения, однако, должного внимания анализу первичного периода появления законодательных актов о преступлениях, связанных с посягательствами на тела умерших и местами их захоронения, в литературе уделено не было.

Впервые нормы, связанные с надругательством над телами умерших, были закреплены в Русской правде – главном источнике правовых, социальных и экономических отношений Древнерусского государства. Заметим, что «Русская правда» – это кодифицированный акт, в основе которого синтез норм обычного права, традиций древнерусского населения, а также элементов византийского права. Характеризуя отечественное право периода появления Русской правды, А. Попов обращает внимание, что практическое применение этих норм представило большое уклонение от чистой византийской догмы, тем не менее оно дало сильный толчок праву, заставило сделать ряд новых правоопределений. Одним из таких преступлений (в основе которого были нормы византийского права), получившим в последующем законодательное закрепление в Русской правде, стало «… сволочение мертвых и посечение крестов». Указанные деяния были закреплены в статье 9 Синодальной редакции Устава князя Владимира, посвященной преступлениям против церкви и вероисповедания. Научный интерес представляет мнение В.Л. Янина, который считает, что эти деяния являются посягательствами на церковное имущество, символику и порядок церкви. Однако, на наш взгляд, более верным является мнение В.В. Есипова, указывающего, что церковные уставы в совершении кражи с мертвых (ограбление мертвых тел) и повреждении креста (могил) видели не исключительное преступление против религии, но также преступление против имущества.

Отметим, что в вышеуказанной норме не разъяснено, какие именно действия входят в понятия «мертвецы сволочат», «крест посекут», в связи с чем представляется сложным дать подробную уголовно-правовую характеристику указанным деяниям. На наш взгляд, это связано с тем, что составление Русской правды – это первый прецедент обобщения и систематизации обычаев, охватывающий различные отрасли древнего русского права, поэтому не все преступные деяния получили свое расширенное толкование. По этому поводу интерес для исследования представляет мнение М.Ф. Владимирского-Буданова, рассуждающего о том, что под лицами, которые «… мертвецов сволочают и кресты посекают», понимались те, которые снимали с мертвых одежду или что-то иное и срубали или повреждали кресты на могилах.

Уже на первом этапе исторического развития отечественного законодательства очевидна связь преступлений, связанных с неуважительным отношением к умершим и святотатством – оскорблением, похищением церковной святыни. При этом, церковные уставы не знали еще «святотатства», знали лишь «церковную татьбу». В.В. Есипов, указывая на схожесть исследуемых составов, пишет, что похищение с мертвого так же, как и похищение из церкви, прежде всего, представлялось деянием вредоносным, деянием, наносящим ущерб родственникам умершего, татьбою. С другой стороны, в силу особого почитания умерших, носившего у древних славян полурелигиозный характер, деяние это представлялось деянием греховным, как бы святотатьбою. В памятниках Византийского права гробные тати также стоят всегда на ряду с татями церковными. Данное мнение еще раз подтверждает, что исследуемые нами преступления посягают не только на веру, но и на на имущество древнерусского населения, а также на наличие связи между церковной татьбой и ограблением мертвых тел.

Более спорный вопрос о том, входило ли в понятие «святотатство» ограбление мертвых тел, возникает при анализе законодательных актов, источником для которых послужила «Русская правда». Если при исследовании норм Русской правды не вызывало сомнения, что эти два деяния закреплены в Уставе князя Владимира, то при анализе норм Псковской судной грамоты, Судебников 1497 и 1550 гг. этот факт достаточно неоднозначен. Разъясним, что статья, предусматривающая наказание за ограбление мертвых тел, не получила закрепление в перечисленных выше источниках права, однако, была предусмотрена норма, в соответствии с которой применялись санкции к лицам, совершившим святотатство (церковную татьбу). С целью выяснения обстоятельств, касающихся того, относилось ли ограбление тел умерших и мест их захоронения к святотатству, считаем важным проанализировать статьи, регламентирующие ответственность за совершение церковной татьбы, встречающиеся в вышеуказанных нормативных актах.

В статье 7 Псковской судной грамоты закреплено, что по отношению к «… кримскому татю и коневому, и переветнику, и зажигальнику» должна применяться смертная казнь. Укажем, что толкование термина «кримский тать» неоднозначно. Разногласия вызваны, прежде всего, неточностью перевода рукописи Псковской судной грамоты, наличием в тексте исправлений и приписок. В.Л. Янин приводит ряд мнений исследователей по поводу толкования этого понятия: Н.Н. Мурзакевич и Ш.Н. Устрялов считали, что это воровство из помещения, клети (храмины); М.Ф. Владимирский-Буданов и вслед за ним С.В. Юшков доказывали, что речь идет о краже церковного имущества, М. М. Исаев видит в этом преступлении кражу имущества из церкви, т. е. не только непосредственно церковного имущества, но и не церковного, а хранившегося в церкви (чаще всего, в подклети), А.И. Яковлев, Л.В. Черепнин, И.Д. Мартысевич, А.А. Зимин, Ю.Г. Алексеев рассматривают кримскую татьбу как кражу из Кремля (Крома). Наиболее аргументированной нам представляется точка зрения В.В. Есипова, указывающего, что единственно верным и естественным толкованием «храмской татьбы» следует считать

святотатственную кражу из церкви. Отметим, что впервые, в сравнении со схожей нормой о святотатстве, предусмотренной Русской правдой, в статье 7 Псковской судной грамоты установлена высшая мера наказания – смерть.

Нормы Псковской судной грамоты легли в основу Великокняжеского Судебника 1497 г. и Царского Судебника 1550 г. Статья 9 Судебника 1497 г. посвящена особо опасным преступлениям против государства и церкви, одним из которых являлась церковная татьба, за совершение которой была предусмотрена смертная казнь. В.Л. Черепнина отмечает, что в глазах законодателя покушение на церковное имущество являлось тяжким преступлением. Церковь требовала от феодального государства беспощадной расправы с любыми посягательствами на ее добро. Действительно, православная церковь в феодальную эпоху являлась одним из важнейших элементов системы государства, имела значительное влияние на все сферы жизни общества. В комментарии к этой статье А.Д. Горский поясняет, что под церковным татем, по мнению большинства исследователей Судебника, понимается лицо, совершившее святотатство, т. е. деяние, так или иначе нарушающее права и интересы церкви, являющейся оплотом феодального государства. Статья 55 Судебника 1550 г. также выделяет церковную татьбу в виде квалифицированного вида кражи. Однако, как верно замечает А.Д. Горский, ни Судебник 1497 г., ни Судебник 1550 г. не определяют еще специальных составов святотатства.

Интерес для исследования представляет мнение М.Ф. Владимирского-Буданова, который утверждал, что сущность церковной татьбы уясняется лишь в «соборных статьях» 1667 г. (П. С. 3., № 412) и новоуказных статьях 1669 г. Здесь святотатством называется кража вещей изнутри алтаря и церкви и именно священных («святых сосудов» и пр.), а не кража всяких вещей, находящихся в церкви («… аще ли кто украдет нечто, еже Богу не освящено, а поставлено быть в церкви сохранения ради, таковый не святотатец именуется, но токмо тать», говорят статьи 1667 г.), не кража вещей, принадлежащих церкви, где бы они ни находились, и не кража священных предметов из частных домов. Новоуказные статьи (ст. 12) различают наказуемость кражи из алтаря и кражи из церкви, но не различают священных предметов от неосвященных.

На наш взгляд, кладбища не относились к священным местам, церковному имуществу, охраняемым православной церковью. Прежде всего, это сакральные места для осуществления обрядовых действий, прямо не относящихся к компетенции церкви. Соответственно, посягательства на места погребения и тела умерших не входили в состав святотатства. Нам представляется, что эти деяния схожи между собой, но при этом их необходимо разграничивать, так как святотатство это, прежде всего, имущественное посягательство, совершенное с корыстным мотивом завладеть церковным имуществом. В то время как посягательства на тела умерших и места их захоронения направлены на поругание тел, осквернение памяти об умершем и сакральных чувств родственников. Мнение, о том, что понятие «святотатство» не включало в себя ограбление мертвых тел, подтверждает В.В. Есипов. Согласно его утверждению, понятие церковных татей понималось в узком смысле, гробные

тати этим понятием не обнимались, кража с мертвого, вероятно, не считалась татьбой.

Таким образом в рассматриваемый исторический период нормы о разграблении могил умерших официальное закрепление в светском законодательстве не получили.

Учитывая, что в указанный временной отрезок церковное право получило широкое распространение, а также оказывало определенное влияние на формирование и развитие светского права, считаем необходимым обратиться к его источникам в целях отыскания норм, регулирующих ответственность за совершение надругательств над телами умерших и их могилами. Так, согласно шестьдесят шестому правилу Великого Василия, тот, кто раскапывает гробы, отлучается на десять лет от святого причащения. Более того, имеется пояснение, что «раскапывающий гробы» – это тот, кто открывает гробы и похищает то, что кладется с мертвыми. Седьмое правило Григория Нисского разграничивает гробокопательство на «простительное» и «непростительное». «Простительное» гробокопательство совершается теми, кто: «… щадя честь мертвых и не касаясь сокрытого во гробе тела, да не явится пред солнцем неблагообразие естества, некоторые камни, на гробе положенные, употребит на какое-либо построение, то это, хотя и не похвально, впрочем, по обыкновению сделалось простительным, когда оное вещество будет обращено на нечто лучшее и общеполезнейшее», в то время как «непростительное» совершается в тех случаях, когда «… истязают прах тела, разрешившегося в землю, и тревожат кости в надежде приобрести некое украшение, закопанное с умершим». Последнее деяние по тяжести приравнивается к простому блуду и наказывается девятилетней епитимией. Согласно церковным канонам, гробокопательство совершается, прежде всего, с целью корысти, получения имущественной выгоды.

Предполагаем, что отсутствие норм, предусматривающих наказание к гробокопателям в светском законодательстве, не препятствовало применению к ним норм церковного права. На наш взгляд, это связано с тем, что нормы церковного права, принятые от Византии вместе с христианством, вступая во взаимодействие с государственной властью, образовали гармоничную, дополняющую друг друга систему, «симфонию власти».

Итак, в ходе исследования нами были проанализированы светское и церковное законодательства периода XI – XVI вв. в части регламентации ответственности за совершение деяний, связанных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения. На основании полученных данных, мы пришли к ряду выводов. Так, считаем, что нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение надругательств над телами умерших и местами их захоронения, развивались сообразно российскому праву в целом. В частности, на первом этапе исторического развития указанная норма не получила широкого распространения в рамках светского законодательства, однако, была предусмотрена церковным правом. Нам представляется, что именно канонические нормы церковного права оказали достаточно большое влияние на начальном этапе развития отечественного законодательства о

преступлениях, связанных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения. Безусловно, что до принятия православной веры у славянских племен были сформированы представления о запретах по отношению к телам умерших, но именно после принятия христианства происходит слияние традиций древнерусской культуры и канонов православной религии, в результате чего появляются законодательно закрепленные запреты на деяния, нарушающие покой умерших, истоки которых мы находим в нормах византийского права.

Так же, в ходе анализа нами были разграничены схожие на первый взгляд понятия «гробокопательство» и «святотатство (церковная татьба)». Считаем, что указанные понятия смежны по характеру действий, однако, посягательства на тела умерших не входили в состав святотатства, упомянутого в статьях Судебников, Псковской Судной грамоты и Соборного Уложения.

Думается, что исторический опыт становления и развития уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения, интересен не только в рамках ретроспективного анализа, но и полезен для понимания современного состояния права, тенденций развития и дальнейшего его совершенствования.

Литература и источники:

1. Алфавитная Синтагма: Собрание по алфавитному порядку всех предметов, находящихся в священных и божественных канонах. Матфей Властырь. – М., 2006. – 379 с.

2. Владимирский – Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. Выпуск второй / под ред. С. В. Юшкова. – М., 1953. – 412 с.

3. Есипов, В. В. Грех и преступление, святотатство и кража. – Спб.,1894. – С. 101, 104, 108, 112.

4. Памятники русского права. Выпуск второй / под ред. С.В Юшкова. – М., 1953.– 287 с.

5. Памятники русского права. Выпуск третий / под ред. Л. В.Черепнина. – М., 1955. – 381 с.

6. Попов, А. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву / А. Попов. – Казань, 1904. – 46 с.

7. Российское законодательство X – XX вв. Законодательство Древней Руси / отв. ред. проф. В. Л. Янин. – М., 1984. – Т. 1. – С. 149, 160, 349.

8. Российское законодательство X – XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. проф. А. Д. Горский. – М., 1985. – Т. 2. – С. 55, 70, 107.